

ФОРМИРОВАНИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ ВУЗОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1930-е гг.

М.А. Белицкая
(Россия, Волгоград)

В статье рассматривается процесс формирования материально-технической базы высших профессиональных учебных заведений Нижнего Поволжья в 1930-е гг. Анализируются источники финансирования вузов, вскрываются проблемы формирования аудиторного и жилищного фондов, выявляются особенности данного процесса в Нижнем Поволжье.

The article considered to the process of formation the material base of institutes in the Lower Volga region in 1930-th. Formation problems of auditory and housing funds are based on study of financing sources.

Ключевые слова: материально-техническая база, институт, капитальное строительство, финансирование, лаборатории, библиотечный фонд, учебные аудитории, общежития.

Key words: material base, institute, capital construction, financing, laboratories, library fund, educational audiences, hostels.

Задачу подготовки квалифицированных кадров напрямую выполняет высшее профессиональное образование, именно оно, став критерием общественного развития, определяет сегодня уровень культуры, науки, будущее страны в целом. Для осуществления качественной подготовки специалистов в соответствии с требованиями Государственных образовательных стандартов сегодня необходимо наличие мощной материально-технической базы вуза, развитие которой является в наши дни одной из наиболее актуальных проблем сферы высшего профессионального образования.

Рассмотрим процесс формирования материально-технической базы вузов Нижнего Поволжья в 1930-е гг. В этот период государство, как и сегодня стремилось решить важнейшую проблему работы высшей школы – проблему эффективной подготовки специалистов для новой экономики. Советскому государству необходимо было в короткие сроки подготовить квалифицированные кадры для народно-хозяйственного комплекса страны. В самые сложные первые годы развития сети вузов партийное руководство приняло ряд мер по развитию их материальной базы. Это стало первым важным шагом на пути создания новых институтов. Требовалось подготовить учебные и жилые помещения, оснастить лаборатории, сформировать библиотечные фонды. Государству необходимы были быстрые темпы подготовки кадров, которые в первую очередь зависели от капитального строительства вузов. Финансирование данной статьи расходов по важности было приравнено к финансированию капитальных работ по народному хозяйству.

В Нижнем Поволжье в период 1930-х гг. формировалась мощная инфраструктура городского хозяйства, строились заводы, проводилась коллективизация, налаживались транспортные связи между городами и осваивались новые отрасли экономики. Такой подъём народного хозяйства не мог произойти без высококвалифицированных кадров. Всего за несколько лет здесь было открыто более 13 новых профильных институтов [12, л. 1–55].

Постановлением СНК СССР от 6 августа 1930 г. был утверждён новый порядок финансирования [8, с. 66–67]. Часть расходов по их содержанию была перенесена на ведомства и учреждения, в ведении которых они находились. Поэтому источники финансирования теперь были как общесоюзные, так и местные. Распределением выделенных государственных средств непосредственно по вузам занимались ведомства и учреждения. Территориальное размещение средств на высшее образование проводилось с учётом развития новых экономических районов, в связи с чем к исследуемому региону было привлечено непосредственное внимание.

Изначально новообразованным вузам Нижнего Поволжья приходилось находиться в стесненных бытовых условиях. Их открытие происходило в течение всего 3–4 месяцев, как и по всей стране, но в данном регионе этот процесс приобрёл массовый характер. Построить собственные учебные здания для всех открывавшихся институтов одновременно в столь короткие сроки не представлялось возможным, они размещались в тех помещениях, которые выделяли им органы местного управления.

Зачастую учебные аудитории и комнаты общежитий были расположены по соседству в одном корпусе. Так, например, в Саратовском институте сельскохозяйственного машиностроения в одном здании бывшего Крайснаба располагались и учебные аудитории, и общежития, и столовая. Помещение требовало капитального ремонта, в нём оказалась размороженной вся система отопления, водопровода и канализации [19]. Ситуация в Сталинградском индустриально-педагогическом институте оказалась ещё сложнее, собственного здания у него изначально не было. Занятия проводились в трёх небольших аудиториях строительного комбината по ул. Академической д. 5, здесь же располагались и комнаты проживания студентов. В первый год своего существования вуз ещё не имел ни одной оборудованной лаборатории, не было ни одного кабинета. В формировании материально-технической базы института в самые трудные годы его становления большая заслуга принадлежит его первому директору С.С. Ахапкину [4, с. 78], который вложил немало сил в её развитие. Уже летом 1931 г. ему удалось добиться решения Сталинградского городского Совета о передаче институту всего здания строительного техникума и общежития на 80 мест. Весной 1932 г. по решению городских властей в этом здании было размещено ФЗУ Стройтранса, что потребовало сократить площадь пединститута на 6 аудиторий, а также закрыть химическую лабораторию, на которую уже было затрачено 10 тыс. из средств института [5, с. 8]. С.С. Ахапкин отстоял 8 аудиторий, но на этой площади занимались сразу 9 учебных групп, причём 2 комнаты были заняты под общежития. Однако, эти площади всё же были больше изначально выделенных вузу трёх небольших комнат. В 1934 г. бюро Сталинградского горкома ВКП(б) приняло решение о передаче институту под учебное здание помещения бывшей типографии ГПУ и общежития химического техникума по ул. Академической д. 2 [17, л. 96 об.], в этом расширении площадей института состояла заслуга следующего директор СГПИ С.Д. Аносова, который неоднократно направлял просьбы во властные структуры о развитии материальной базы вуза, и был назначен горкомом партии ответственным за ремонт учебного здания и общежития к началу занятий [5, с. 15]. В 1938 г. к этому зданию для института был надстроен третий этаж. Надстройка верхних этажей учебных корпусов практиковалась во всех городах Нижнего Поволжья, что стало наиболее лёгким способом расширения аудиторного фонда. При расширении Астраханского мединститута руководство города не ограничилось надстройкой этажей лишь для учебного корпуса, а практику увеличения площадей таким способом практиковало и при расширении общежитий [3, с. 63].

Ввиду того, что собственных помещений в период своего становления вузы не имели, им приходилось постоянно переезжать, что создавало дополнительные сложности в организации рабочего процесса. Ярким примером тому является размещение в Саратове планового и финансово-экономического институтов, которые открывались практически одновременно. Первоначально плановому институту было временно предоставлено под учебный корпус здание католической церкви на ул. Республиканской, а финансово-экономическому институту – здание на Цыганской улице д. 18. В 1938 г. плановый институт разместился в двухэтажном доме на площади Революции и приступил к надстройке третьего и четвертого этажей. Финансово-экономическому вузу в 1933 г. было предоставлено соседнее здание – на площади Революции д. 13. Через несколько лет здание финансово-экономического института было отдано Дворцу пионеров, а институту пришлось переехать на ул. Сакко и Ванцетти д. 15. Когда в конце 1930-х гг. приобрело развитие профессионально-техническое образование, это здание было возвращено управлению трудовых резервов. Финансово-экономическому институту пришлось переехать в здание планового института на пл. Революции д. 11, где ему была предоставлена часть аудиторий на 3 и 4 этажах.

Непростая ситуация была и в Сталинграде, когда одним постановлением в 1930 г. были открыты также сразу два института технического профиля: машиностроительный и строительный. Директор у них назначался один общий, а подготовить материально-техническую базу необходимо было в сжатые сроки. В ходе подготовки к открытию вузов было решено, что строительный институт будет работать в здании

школы им. Ч. Дарвина, на ул. Ленина, д. 31, а механический институт должен располагаться в районе тракторного завода, так как был ориентирован на подготовку кадров именно для данного предприятия. Но так как приспособленных помещений под эти цели сразу здесь выделить не удалось, вуз расположили в двух учебных зданиях в разных районах города, и одновременно приступили к строительству первых корпусов, которыми стали деревянные бараки около тракторного завода, где расположились и общежития для студентов и учебные аудитории. Главный корпус института вместе с канцелярией поместился в бараке № 860 [1, с. 19].

Типичным примером развертывания технического отраслевого вуза стало и создание рыбвтуза в Астрахани. В мае 1930 г. решено было организовать к сентябрю институт рыбного хозяйства и промышленности, которому надлежало готовить кадры сразу для нескольких регионов, в его структуре предполагалось организовать два факультета в составе 5 специальностей, а контингент приёма на первый учебный год был установлен в 150 человек [9, л. 1–3]. Естественно, что вуз такой сложной структуры со всеми необходимыми аудиториями, лабораториями, кабинетами и оборудованием организовать за три месяца было делом довольно сложным. За первый учебный год вузу удалось обзавестись собственным зданием по ул. Советской 23, которое было передано руководством города рыбвтузу под временное пользование, на эти цели вузу было выделено 15 тыс. руб. [10, л. 24]. Не смотря на то, что финансирование института осуществлялось на 75 % из госбюджета, данных средств было явно недостаточно. По части капитальных затрат необходимо было проектирование и строительство собственного здания с учётом возрастающего с каждым годом контингента студентов, ростом отделений и кафедр.

На практике планирование и практическое использование бюджетных средств затруднялось целым рядом объективных обстоятельств. Во-первых, удовлетворить потребности всей высшей школы сразу было задачей невыполнимой для экономического потенциала страны, во-вторых, ведомства, распределяющие средства, обязаны были финансировать и строительство большого количества объектов, вузы же обеспечивались зачастую по остаточному принципу, в связи с чем строительство растягивалось на ряд лет. Так, например, дефицит средств на капитальное строительство учебных заведений системы Наркомата путей сообщения в середине 1930-х гг. составлял 162 млн руб. [13, л. 61]. Саратовский автомобильно-дорожный институт в это период едва не закрыли. При широкой поддержке местных властей и общественных организаций города закрытия удалось избежать. Однако финансирование резко было сокращено и вместо запрошенных 800 тыс. руб. на строительство учебного корпуса институту было выделено лишь 25 тыс. руб. Цудортрансом было выделено лишь 25 тыс. руб., а ближайшие ассигнования намечались только через год [21, л. 144].

Ввиду того, что система высшего профессионального образования в начале 1930-х гг. находилась в стадии формирования и открытие вузов носило стихийный характер, возникали случаи неравномерного распределения аудиторного и лабораторного фонда, что приводило к тому, что качество подготовки специалистов терялось, а организация учебного процесса становилась нерациональной. Так, учебные помещения Саратовского зооветеринарного института оказались распределёнными в десяти местах города [6, с. 10], в ряде случаев наблюдались нездоровые отношения между институтами, находившимися в одном здании, при эксплуатации учебных помещений.

Данная проблема в Нижнем Поволжье коснулась саратовских вузов. Город ещё и до 1930-х гг. являлся образовательным центром региона, здесь находился крупнейший госуниверситет. Во время перестройки высшего образования на отраслевую систему, из его факультетов были образованы сразу 8 самостоятельных институтов. Это обстоятельство, конечно, положительным образом повлияло на создание именно в Саратове самой крупной сети вузов по всему Нижнему Поволжью. Однако при распределении материального имущества возникла неразбериха.

По свидетельству архивных документов, некоторые факультеты ещё до выхода из состава университета перестали информировать дирекцию о своих делах, самостоятельно вели переговоры с Народным комиссариатом просвещения и местными

властями, просили ускорить отделение от университета. Так, на заседании партбюро университета 22 октября 1930 г. обсуждался вопрос о выходе медицинского факультета из состава СГУ и сохранении педагогического [11, л. 7–8], но отстоять их так и не удалось. Медицинскому институту отошёл самый большой четвёртый корпус, а во втором корпусе было предоставлено тому же институту 1200 м² учебных площадей [14, л. 2]. При разделении аудиторного фонда, и утверждении расписания занятий возникали проблемы, руководству университета не легко было перестраивать учебный процесс, потеряв такие большие площади.

Перестройка учебного процесса в июне 1936 г. обусловила усиление самостоятельной работы и практических занятий в лабораториях. Это потребовало капитального обновления типового оснащения. При включении в учебный план новых дисциплин, ориентированных на подготовку кадров для новых отраслей экономики, требовалось открытие не только специальных научных кабинетов и лабораторий, но и соответствующее их оснащение: стенды, литература, оборудование. Шёл поиск оптимального сочетания специальных и общественных дисциплин, форм организации учебного процесса и практики. Наиболее явно эти формы работы были использованы в технических и медицинских вузах, когда все практические занятия происходили непосредственно на производстве или при действующих больницах, которые становились клиническими базами медицинских институтов.

Развитие институтов невозможно было представить без хорошо оснащенной библиотеки. Учебных и методических пособий не хватало во всех вузах без исключения. Большинство учебников для новых дисциплин необходимо было ещё написать, а обеспечить формирование библиотечных фондов сразу всем институтам было сложно. Этот вопрос решался в основном благодаря личной инициативе сотрудников. Преподаватели и студенты сами изготавливали стеллажи и стенды для библиотеки, приобретали литературу, периодические издания. В Сталинградском пединституте к концу 1934 г. библиотека насчитывала уже около 40 тыс. томов [7, с. 15], библиотека Астраханского пединститута за 1933–1934 учебный год выросла вдвое с 8 тыс. томов до 16 тыс. Важным фактом явилось и создание собственных библиотек при научных кабинетах. Так, созданный кабинет языка и литературы в АГПИ был обеспечен литературой в 1258 томов, однако, потребности факультета были высокими и удовлетворялись тем самым лишь на 30 % [2, с. 38].

Органам местной власти приходилось решать вопросы связанные и с расширением вспомогательных помещений для развития вузов, в которые входили: столовые, гаражи с необходимым транспортом, библиотеки, лаборатории, научные кабинеты, а также общежития и квартиры для преподавателей.

Строительство общежитий для студентов производилось постепенно и практически во всех вузах сопровождалось срывом сроков постройки, что было вызвано сбоими в бюджетном финансировании. В связи с чем дирекция институтов вынуждена была обращаться за поддержкой к местным властям с просьбами о выделении съёмных квартир как для преподавателей, так и для студентов. Так например, коллектив Сталинградского пединститута, возглавляемый директором С.Д. Аносовым в 1934 г. направил просьбу в горком ВКП(б) о развитии материально-технической базы института с просьбой строительства не только учебного здания, но и общежитий для студентов, а так же квартир для преподавателей, научных работников [5, с. 16].

Финансовые трудности заметно сдерживали развитие институтов. Несмотря на то обстоятельство, что им предоставлялась возможность содержать подсобные хозяйства, а также использовать доходы от научных исследований для своих нужд, средств отпускаемых ведомствами на учебное оборудование, библиотеки, не хватало. Нижневолжский крайисполком периодически вносил предложения о дополнительном финансировании институтов из городских бюджетов. Вузы неоднократно получали крупные суммы для улучшения обучения и бытовых условий жизни преподавателей и студенчества. Интересным фактом являлось то, что в условиях столь интенсивного экономического развития края, когда средств, выделяемых из бюджета на строительство вузов, было явно недостаточно, только строительством самих зданий

под общежития руководство вузов не ограничивалось. В архивах новейшей истории содержатся документы, свидетельствующие о партийном контроле за снабжением комнат проживания студентов предметами быта [18, л. 155–156]. Из года в год рос коэффициент минимальной площади на одного студента. Если в 1933 г. он составлял 3 м², то уже на следующий год – 4,5 м² [15, л. 6].

Остро стоял вопрос о повышении материальной обеспеченности преподавательского состава и студентов. В 1930-е гг. неоднократно принимались попытки по улучшению бытовых условий и повышению оплаты труда работников высшей школы. В это время шел поиск форм дифференцированного подхода при её начислении. Введение в январе 1934 г. учёных степеней и званий стимулировало рост научной квалификации преподавателей, улучшение их материального положения, однако низкая оплата труда преподавателей в начале 1930-х гг. привела к большому проценту совместительства. В связи с чем в 1937 г. была введена штатно-окладная система оплаты труда, позволившая повысить преподавателям заработную плату на 30 %, которая стала вполне достойной. Так, в Сталинградском педагогическом институте ассистент, не имеющий учёной степени, получал теперь 500 руб., а профессор, зав. кафедрой, имеющий степень доктора наук – 1500 руб. [5, с. 20].

На местном уровне, ввиду нехватки преподавателей, руководство вузов предпринимало дополнительные меры по улучшению их материально-бытового положения. Приезжим преподавателям выписывали дополнительные надбавки, старались своевременно наделять жильём, в этом случае органы городского управления шли на встречу.

Важной статьёй расходов бюджета высшей школы являлись затраты на стипендии студентам. Специальными постановлениями ЦК ВКП (б) и СНК СССР размеры стипендий повышались шесть раз за 1930-е гг. (в феврале и сентябре 1933 г., в мае 1934 г., в январе 1935 г. и в ноябре 1937 г.). Несмотря на это, студенты в основной своей массе жили бедно, питались скудно. В начале 1930-х гг. ещё действовала карточная система на питание, но завтраки и обеды были низкокалорийными, а купить что-то дополнительно студент позволить себе практически не мог. Стипендия в зависимости от курса в среднем составляла от 75 руб. (нормальная) до 150 руб. (повышенная). В Сталинградском государственном педагогическом институте была введена дифференцированная система выплаты стипендий. В зависимости от успеваемости студента она выплачивалась в соответствии с 5 установленными категориями: от 50 до 160 руб. Директор института также назначал именную стипендию в размере 175 руб. [5, с. 9–10]. Это было весомое подспорье поддержки материального положения студента.

В большинстве же случаев стипендии хватало только лишь на хлеб и квас. Часто стипендию задерживали. В своих воспоминаниях выпускник Сталинградского пед. института П.П. Плотников отмечает: «Стипендию считали до копейки. Если выдачу задерживали на один день – было плохо; на три дня – тяжело; свыше трёх дней – катастрофа!» [20, с. 41]. Государство не могло ввиду объективных обстоятельств выделить средства в необходимых объёмах на всестороннее обеспечение студентов, большинство из них испытывали острую нужду.

Важное место в улучшении материального и бытового положения студенчества и работников высшей школы занимала организация питания. Основную массу студентов составляли выходцы из рабоче-крестьянской среды. Средств прокормить себя самостоятельно зачастую они не имели, а работать студентам было запрещено. Первоначально работа столовых не была налажена, что выражалось в скудности питания. Студенту полагалось 500 г. хлеба и талоны на завтрак и обед. Легче было лишь тем, кто получал из дома посылки.

Поворотным пунктом в организации общественного питания студентов явилось постановление СНК СССР в 1933 г. «О мероприятиях на 1933/34 г. по улучшению общественного питания студентов» [16, л. 132], в результате которого к местному бюджету вузов начали выделяться дополнительные продукты питания для студенческих столовых из центральных фондов. Стали проводиться конкурсы между столовыми. При институтах повсеместно организовывались подсобные хозяйства, которые

позволили улучшить гигиену питания, разнообразить рацион блюд, повысить калорийность пищи.

Таким образом, рассмотрев процесс формирования материально-технической базы вузов Нижнего Поволжья в 1930-е гг. можно сделать следующие выводы. Во-первых, учитывая быстрый количественный рост институтов, проблема становления их материально-технической базы стала первоочередной, требовалось огромное количество финансовых затрат. Все без исключения институты столкнулись с проблемой дефицита аудиторного и жилищного фондов, учебного оборудования, лабораторий и литературы. Из-за нехватки помещений многие институты располагались в непригодных помещениях, нередко два вуза работали в одном здании, занятия часто проводились в две смены. Во-вторых, основным источником финансирования были бюджетные поступления, объём которых постепенно увеличивался, однако резкое увеличение контингента студентов и числа самих вузов выявило недостаточность отпускаемых средств. В связи с чем, во второй половине 1930-х гг. при финансировании высших учебных заведений стали учитываться такие показатели, как контингент студентов, ставка заработной платы преподавательского состава, нормы материального обеспечения учащихся и объём капитального строительства. Распределение средств становилось более целенаправленным.

Для вузов Нижнего Поволжья при формировании материально-технической базы были характерны те же проблемы, что и всей высшей школы страны. Однако, здесь они проявлялись крайне отчётливо, ввиду высокой концентрации профильных институтов, ориентированных на подготовку кадров для нового экономически интенсивно развивающегося региона. Несмотря на перечисленные трудности, вузы Нижнего Поволжья преодолевали огромные трудности в организации материально-технической базы, что способствовало налаживанию их продуктивной работы, расширению учебных специальностей и контингентов студентов.

Особенностью формирования материальной базы вузов Нижнего Поволжья стала чрезвычайная мобилизованность различных местных структур в помощи вузам по реализации данного процесса, хотя и здесь сложности тоже встречались. Отмечались высокие темпы формирования опытно-производственной базы и вовлечённость в данный процесс как преподавательского, так и студенческого состава. Особая заслуга в этой сложной работе принадлежала дирекции институтов.

Список литературы

1. 10 лет Сталинградского механического института 1930–1940 / под ред. Н. Я. Тингаева, А. В. Ловягина, П. А. Гришина, П. С. Щипанова, М. С. Дрозд. – Сталинград : Сталинградская правда, 1940.
2. Астраханскому государственному педагогическому университету – 70 лет. / гл. ред. А. П. Лунёв. – Астрахань : Изд-во астраханского пед. ун-та, 2002.
3. Астраханский институт к 15-летию Октября // Нижнее Поволжье. – 1932. – № 5–7. – С. 62–65.
4. Болотов Н. А. Волгоградский государственный педагогический университет в лицах / Н. А. Болотов, Н. В. Широ, С. В. Широ. – Волгоград : Перемена, 2006. – 357 с.
5. Болотов Н. А. Ректоры Волгоградского государственного педагогического университета (1931–2007). Очерки / Н. А. Болотов. – Волгоград : Перемена, 2007. – 104 с.
6. Бюллетень ВКВТО. – 1934. – № 14.
7. Волгоградский государственный социально-педагогический университет (1931–2011 гг.). – Волгоград : Перемена, 2011.
8. Высшая школа: Основные постановления, приказы, инструкции / под ред. А. И. Карпова, В. А. Северцева. – М. : Советская наука, 1957.
9. ГААО. – Ф. 2181. – Оп. 1. – Д. 7.
10. ГААО. – Ф. 2181. – Оп. 1. – Д. 7.
11. ГАНИСО. – Ф. 35. – Оп. 1. – Д. 114.
12. ГАРФ. – Ф. 8060. – Оп. 2. – Д. 101.
13. ГАРФ. – Ф. 8060. – Оп. 1. – Д. 29.
14. ГАРФ. – Ф. 2307. – Оп. 16. – Д. 110.
15. ГАРФ. – Ф. 8060. – Оп. 1. – Д. 40.
16. ГАРФ. – Ф. 8060. – Оп. 1. – Д. 40.

17. ГУ ЦДНИВО. – Ф. 71. – Оп. 1. – Д. 165.
18. ГУ ЦДНИВО. – Ф. 113. – Оп. 1. – Д. 50.
19. Докладная записка директора НВИСХМ им. Калинина М.А. Косова в Совнарком РСФСР // Архив музея СГАУ им. Н.И. Вавилова. – 1933.
20. Плотников П. П. Воспоминания Сталинградского студента / П. П. Плотников. – Волгоград : Перемена, 2005.
21. Саратовский государственный технический университет (1930–2000) / под ред. Ю. В. Чеботаревского. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. технич. ун-та, 2000.

«ЧЖОУ И» – ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ КИТАЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В.О. Усалко
(Россия, Элиста)

Будучи началом китайской культуры, источником и ресурсом китайской идеологии и национального духа, «Чжоу И» являет собой глубину экономической, политической и культурной структуры, образ жизни, этику, психологию общества Древнего Китая, оказав влияние на тысячелетнюю китайскую социальную жизнь, сформировав философию конфуцианства, даосизма, школы Мо в доиньский период. Чжоу И – литературный реликт, который свидетельствует о развитии китайской истории от мантики к логической китайской культуре, от гадания, предсказания к науке, от мифологии к гармоничной теории Великого Предела (Тайцзи), и развитии китайского философского мышления.

Being the beginning of the Chinese culture, a source and resource of Chinese ideology and national spirit, "Zhou Yi" is a deep culture, lifestyle, philosophy, ethics, psychology, society of China, influencing thousands of years the Chinese social life, forming the Confucian philosophy, Taoism, School of Mo. The book contains three components, namely conjectural documents, symbols, image, number, and interpretation. «Zhou Yi» is a literary relic, which has witnessed the development of Chinese history from the logical Mantiq Chinese culture, from divination to predict the science of mythology to a harmonious theory of the Great Limit (Tai Chi), and the development of Chinese philosophical thought.

Ключевые слова: мантика, философия Китая, конфуцианство, гадания, гексаграммы.

Key words: Manteca, philosophy of China, Confucianism, divination, hexagram.

Классическое конфуцианское произведение «Чжоу И» состоит из текста «И Цзинь» и «И Чжуани», комментариев. Книга содержит три компонента, а именно, гадательные документы, символы образ-число, и толкования. Чжоу И или Книга Перемен [1, с. 101] – литературный реликт, который свидетельствует о развитии китайской истории от мантики к логической китайской культуре, от гадания, предсказания к науке, от мифологии к гармоничной теории Великого Предела (Тайцзи), и развитии китайского философского мышления.

Будучи началом китайской культуры, источником и ресурсом китайской идеологии и национального духа, «Чжоу И» являет собой глубину экономической, политической и культурной структуры, образ жизни, этику, психологию общества Древнего Китая, оказав влияние на тысячелетнюю китайскую социальную жизнь, сформировав философию конфуцианства, даосизма, школы Мо в доиньский период. А именно, непрерывную общественную деятельность конфуцианства, послушническую и затворническую мысль даосизма, универсальную любовь и антивоенный дух Мо, циркуляцию пяти добродетелей в школе инь ян, спор по атрибутам твердости и белизны камня в школе логиков, закон школы легистов, стратегии в Искусстве войны и т.д.

«Чжоу И» оказала огромное влияние на социальную политику в древности (Бронзовый век), когда решения государственных дел определялись результатом гадания. Записи к гексаграммам, и линии в И Цзине, появились из собрания внушительных записей, осуществляемых длительное время в гаданиях официальных колдунов. Вопросы, по которым гадали в древности, были широки, от государственных дел к ежедневным мелочам. Согласно Чжоу ли Чунь гуань («Министр Весны» или «Министр ритуалов» в Ритуалах Чжоу), вопросы, по которым предсказывали, касались объявления войны, прогнозов погоды, дарения подарков, принятия решений,